

Такой холодный, теплый дом

КПВ Москве (прил. к Комс. правде), - 1994, - 28 мая.
В нем жил, любил и умер великий маэстро русской сцены

Если посмотреть на этот дом вдоль ряда окон, то, несомненно, увидишь волнистую линию по их нижнему краю: за отгорыхавшие столетия особняк погнуло, конечно. А он все равно молодцом держится.

Тих он сейчас. Не дрогнет в оборки собранная занавеска, и голос ничей не донесется через распахнутую форточку. Обезлюдел старинный дом, согретый некогда дыханием великого человека...

Я обихаживал этот дом по системе Станиславского, сосредоточивался на нем, пытаюсь хотя бы и мысленно проникнуть внутрь. А как же иначе? В доме-то семнадцать лет своей жизни провел Станиславский. А последние годы и вовсе не выходил из него. Только и всюду проникающая система бессильна помочь, когда дом заколочен... Музей закрыт на ремонт, и на обшарпанных дверях возмущенные записи обманувшихся посетителей, требующих объяснений: когда наконец откроется дом - или хотя бы контактных телефонов для связи...

И все же заметил я: цветы-то в горшках на подоконнике, если взглянуть со двора, политы недавно. Значит, бывает же кто-то! И вдруг обнаружилось струение жизни! Распахнулась дверь на балкон, и на свет божий явилась фея в синем рабочем халате, оказавшаяся Анаит Овчинниковой, научным сотрудником Дома-музея. Она меня и впустила. Началось волшебное театральное действо...

Как гласит предание, дом сей в 1640 году построил генерал-аншеф Леонтьев. Человек он был богатый, и в этом переулке, носящем и ранее, и теперь его имя, у него имелись еще дома. А переулок, кстати, считается одним из старейших в Москве. Потом домом еще кто-то владел, а последние тридцать лет до того, как порог его переступил Станиславский, хозяйничала в нем Марья Спиридонова, купчиха по происхождению, ставшая известной в Москве балериной, в которую безоглядно влюбился поистаскавшийся в жизни князь Павел Гагарин. Да и женился на ней.

Октябрьская революция тех, кто был ни-кем, сделала всем. И наоборот. Богатая семья Станиславских превратилась в семью «лишневцев», как тогда говорили, и лишилась всего - владений и состояния. Это бы ничего: жизни еще отнимали. Расстреляли младшего брата Константина Сергеевича - Георгия и трех его сыновей. Потом - любимого племянника Станиславского - Мику, так звали Мишу в доме. Но самого Станиславского Усатый и пальцем тронуть не смел: фигура мирового значения! Отчий же дом на Садовой-Черног-

рязской, где Станиславский прожил первые сорок лет своей жизни и где уже дети его родились, отняли, и другой дом - в Каретном ряду - тоже. Стальная рука Железного Феликса начертала на постановлении, отнимающем тот дом Станиславского: «Под нужды Совнаркома». По-видимому, была большая нужда.

Вот как оказалось, что Константин Сергеевич, выгнанный из собственного дома, где у него было тридцать комнат, уплотнился здесь, в Леонтьевском переулке, где ему отвели только четыре: Швондер свое дело знал. И весь второй этаж считался за Станиславским. Однако ему не казалось здесь тесно, потому что именно здесь воплощал он свои великие замыслы. Тут, вот в этом зале, который потом назовут Онегинским, на этой сцене среди великолепных белых колонн разворачивались театральные действа.

Великий режиссер и актер был счастлив здесь. Рядом с ним - его любимая и лучшая ученица - Мария Петровна Лилина, по жизни играющая еще и роль жены Великого человека. И еще один великий человек ее тоже боготворит, дарит как-то свою фотографию и пишет на ней: «...милрой Марии Петровне от автора иггранных ею пьес, очарованного Чехова». Она жила долго и умерла во время войны.

«А комнату, где умер Он, можно увидеть?» - прошу я заведующую Домом-музеем Галину Шнейтер. Она молча ведет меня по коридору, пронизывающему второй этаж, достает ключи и отмыкает невзрачную дверь: «Входите».

Это спальня Константина Сергеевича. Его кровать. На нее страшно смотреть: готовится ремонт, и все сейчас не так совсем, как было при нем. На кровати что-то лежит под наброшенным покрывалом. Станиславский

умер в этой постели. Сам по себе уходит взгляд от нее...

Через высокую дверь проходим в Его кабинет. Такая же роскошная роспись - темпера по сухой штукатурке, равную которой можно в Москве увидеть лишь в музее Пушкина. Прямо на полу - полки с книгами: словарь Брокгауза, пьесы, либретто, просторный письменный стол. Но Станиславский редко работал за ним, хотя в этих стенах и дописывал, шлифовал свою «Систему» и писал книгу «Моя жизнь в искусстве».

Стол располагался возле окна, а Станиславский садился вот на этот диван у стены, обшитой дубовой панелью, забрасывал ногу на ногу и писал на колене.

Он пережил в этом доме трагедию. Вернее, не пережил. На юбилейном спектакле, посвященном 30-летию МХАТа, он играл свою любимую роль - Вершинина, когда с ним случился удар. Акт он, несмотря на сердечную боль, довел до конца, но от театра с той минуты был отлучен уже навсегда... И все. Больше ролей ему не играть. С грустью, тоской даже сказал как-то: «В сущности, я стал кабинетным ученым...»

Пусть так. Только в этой науке ему во всем мире равного не оказалось.

Закрылась за нами дверь. Я поднял голову. По стенам и роскошному потолку разошлись подсохшие разводы: крыша нещадно течет. И заведующая тяжело вздыхает: «Уж и не знаю, что осенью будет, как ее пережить...» На ремонт дома нужно всего-то четыреста миллионов рублей, и, хоть Министерство культуры подписало бумаги, денег-то нет...

Вот и стоит дом - холодный, безмолвный. И все же теплый такой...

Леонид РЕПИН.

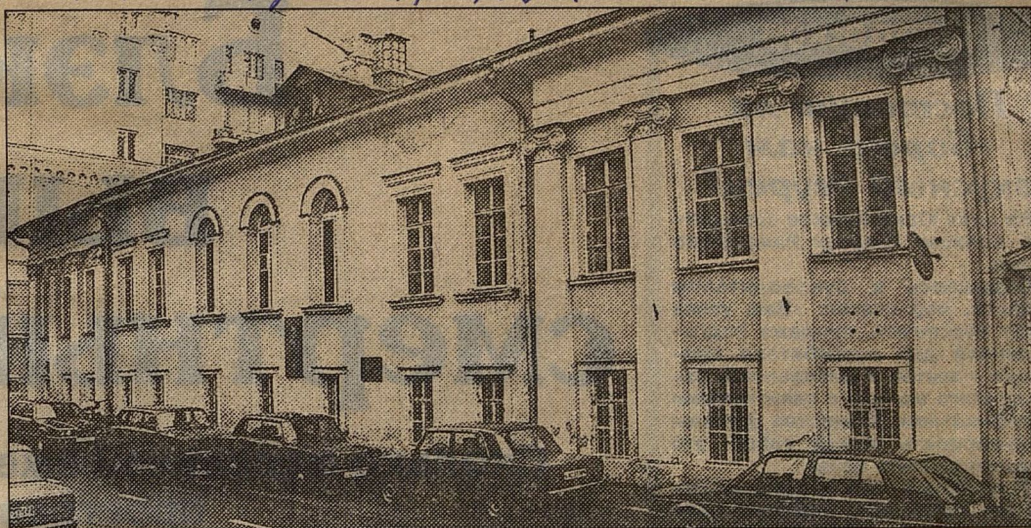

Фото Виктора СЕНЦОВА.